

Советская экономика в период надвигавшейся войны и массового террора*

Рец. на: *Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. The Industrialization of Soviet Russia. – Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. – L. : Macmillan Press, 2018. – 439 p.*

Григорий Ханин

Сибирский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Новосибирск, Россия

The Soviet Economy at a Time of Impending War and Mass Terror

*Rev. of: Davies, R. W., Harrison, M., Khlevniuk, O., Wheatcroft, S. G. (2018).
The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the
Approach of War, 1937–1939. L., Palgrave Macmillan. 439 p.*

Grigory Khanin

Siberian Institute of Management
“Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration”,
Novosibirsk, Russia

This review analyses the seventh volume of Davies' book on the development of the Soviet economy in the 1930s, namely 1937–1939. The most important feature of the period was the militarisation of the Soviet economy. The share of military spending in gross domestic product grew significantly. The militarisation of the Soviet economy was explained by the real danger of a military clash with fascist Germany and Japan, whose extensive military expenditure was twice as high as the spending of the USSR. Another feature of this period was massive repression, which had important economic consequences. They are analysed from the point of view of the quality of management personnel and the GULAG economy's effectiveness. The book analyses the censuses of 1937 and 1939; close attention is paid to the influence of statistical falsifications on economic management.

* *Citation:* Khanin, G. (2022). The Soviet Economy at a Time of Impending War and Mass Terror. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 766–780. DOI 10.15826/qr.2022.2.701.

Цитирование: Khanin G. The Soviet Economy at a Time of Impending War and Mass Terror // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 766–780. DOI 10.15826/qr.2022.2.701 / Ханин Г. Советская экономика в период надвигавшейся войны и массового террора // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 766–780. DOI 10.15826/qr.2022.2.701.

The calculation of the volume of grain production, the dynamics of national income, and industrial production are classified as statistical falsification. According to the authors, it is a serious mistake to ignore falsifications in assessing the volume and dynamics of capital funds. Attention is drawn to the influence of statistical falsifications on errors in planning and managing the economy. When analysing the population's living standards, the authors emphasise the lack of an assessment of urban living conditions and public services provision. The lack of analysis of consumption unevenness in geographical and social terms is a mistake when assessing the consumption of goods and their shortage.

Keywords: USSR economy, militarisation of economy, mass repressions, statistics falsification, prewar period

Рассмотрен седьмой том книги Р. Дэвиса и соавторов о развитии советской экономики в 1930-е гг., посвященный 1937–1939 гг. Наиболее важной ее особенностью являлась милитаризация. Доля военных расходов в валовом внутреннем продукте значительно выросла. Милитаризация советской экономики объяснялась реальной опасностью военного столкновения с фашистской Германией и Японией и высокими военными расходами этих стран, вдвое превосходившими военные расходы СССР. Авторы указывают на массовые репрессии, имевшие важные экономические последствия, как на определяющую особенность этого периода. Анализируются качество руководящих кадров и эффективность гулаговской экономики, а также переписи населения 1937 и 1939 гг. Большое внимание в книге уделено анализу влияния статистических фальсификаций на управление экономикой. К ним отнесены исчисление объема производства зерна, динамики национального дохода и промышленной продукции. Большим упущением, по мнению авторов, стало игнорирование фальсификаций в оценке объема и динамики основных фондов. Обращается внимание на утверждение авторов о фальсификации статистики, на ошибки в планировании и управлении. При анализе уровня жизни населения отмечено отсутствие в нем оценки жилищных условий городского населения и обеспеченности его коммунальными услугами. Упущением в оценке потребления потребительских товаров и их дефицитности, по мнению рецензента, является отсутствие анализа неравномерности потребления в географическом и социальном разрезах.

Ключевые слова: экономика СССР, милитаризация экономики, массовые репрессии, фальсификация статистики, предвоенный период

Английский экономист Р. Дэвис (1925–2021) совершил научный подвиг. С середины 1960-х гг. он начал исследования по истории советской индустриализации с привлечением данных из архивных и опубликованных источников. Фактически речь шла об истории всей советской экономики периода индустриализации. При этом, учитывая первенствующую роль государства в экономическом развитии СССР, Р. Дэвис оправданно увязал развитие советской экономики с событиями в политической жизни СССР и в мире.

При подготовке исследований Р. Дэвис проделал колоссальную работу, изучив почти всю имеющуюся советскую и зарубежную литературу по теме, мемуарную литературу, советские статистические справочники, советские экономические журналы и газеты, зарубежные и российские архивы. Благодаря его исследованиям экономисты впервые получили объективную обоснованную картину экономического развития СССР в решающие для его истории 1930-е гг.

В центре рецензии – заключительный, седьмой том серии¹. Он написан в соавторстве с английским экономистом Марком Харрисоном, австралийским экономистом Стивеном Уиткрофтом и российским историком Олегом Хлевнюком. Он был опубликован в 2018 г. незадолго до смерти Р. Дэвиса в 2021 г. на 96-м году жизни.

Милитаризация советской экономики

Милитаризацию советской экономики как основную ее особенность в предвоенный период Дэвис отметил уже для времени начала 1930-х гг. [Davies, p. 310–312, 432–433]. Этот курс продолжался в период второй пятилетки [Davies, Khlevniuk, Wheatcroft, p. 76–77, 203–210, 326–330]. К концу второй пятилетки, по приводимым Дэвисом наиболее обоснованным оценкам Абрама Бергсона, доля военных расходов в СССР в валовом национальном продукте составила наиболее высокую в мире в то время величину в 8,8 % [Davies, Harrison, Khlevniuk, Wheatcroft, p. 402]². А в 1940 г. по тем же оценкам она выросла до огромной величины в 18,7 % (Ibid.). Она сравнима с долей военных расходов в последнем предвоенном году в Германии (23 %) и Японии (22 %), но далеко превосходила США (1 %) и была выше, чем в Великобритании (15 %) [The Economics of World War 2, p. 21].

Насколько была оправдана такая милитаризация экономики? Ответу на этот вопрос посвящен параграф «Продвижение германской и японской агрессии» (p. 23–31). В нем приводятся факты об агрессивной внешней политике Германии, Италии и Японии, известных своей идеологической и геополитической враждебностью в отношении СССР. Она проявлялась также в прямых или косвенных военных конфликтах в Испании, на озере Хасан и на Халхин-Голе. Отмечая попытки СССР по созданию антифашистской коалиции, авторы указывают, что они «подрывались собственными сталинскими репрессиями, которые распространились за пределами Советского Союза в Коминтерне и в сердце Испанской Республики» (p. 23). Можно добавить, что эти репрессии отталкивали как правящие круги Англии и Франции, так и значительную часть населения этих стран от союза с СССР.

Авторы с одобрением отмечают помощь Советского Союза республиканской Испании и Китаю, выразившуюся в поставках вооружения и отправке военных специалистов. Приводятся данные

¹ Оценку первых шести томов см.: [Ханин, 2015].

² Далее ссылки на рецензируемое издание будут даваться в круглых скобках с указанием страниц.

об объемах поставок отдельных видов вооружения в сравнении с аналогичными поставками франкистской Испании со стороны Италии и Германии (р. 28–29). По большинству видов вооружения они оказались намного больше, чем поставки СССР. По подавляющему большинству видов вооружения (кроме патронов) доля поставок в 1937–1938 гг. не превышала 10–15 %, не создавая угрозы обеспечению собственных вооруженных сил (р. 30).

При наличии очевидной военной угрозы со стороны Германии и Италии военные расходы СССР не кажутся чрезмерными. В 1939 г. доля военных расходов Германии и Японии была заметно выше (табл. 1). Ввиду отсутствия опубликованных данных о величине ВВП в СССР в 1939 г. в сопоставимых ценах и об их структуре был произведен упрощенный расход в текущих ценах для 1939 и 1940 гг. с целью определения разницы в этой доле, который был затем использован для выяснения доли военных расходов в СССР в 1939 г. (табл. 2). Оказалось, что военные расходы СССР в этом году были более чем в два раза меньше. Таким образом, для обеспечения безопасности СССР военные расходы были даже недостаточны.

Таблица 1

Расчет объема военных расходов СССР Германии Японии в 1939 г.

Показатели	Единица измерения	СССР	Германия	Япония	Германия + Япония
ВВП	Млрд долл.	359	351,4	169,4	–
Доля военных расходов в ВВП	%	15,3	23	22	–
Объем военных расходов (1 x 2)	Млрд долл.	54,8	80,8	37,3	118,3

Источники: доля военных расходов в СССР исчислена в табл. 2; ВВП принят на уровне 1938 г.; ВВП Германии и Японии [The World War 2, p. 3], ВВП СССР [Ibid., p. 3].

Таблица 2

Расчет доли военных расходов СССР в 1939 г.*

Показатели	Единица измерения	1939	1940	1940/1939
Капитальные вложения	Млрд руб.	35,9	38	–
Денежные расходы населения	Млрд руб.	203	229,8	–
Военные расходы по бюджету	Млрд руб.	39,2	50,8	–
ВВП (1 + 2 + 3)	Млрд руб.	272,9	323,8	–
Доля военных расходов в ВВП (3 : 4)	%	14,3	17,5	–
Отношение доли военных расходов в ВВП в 1940 г. к 1939 г.	–	–	–	17,5 : 14,3 = 1,22

* В расчет включены только известные автору элементы ВВП.

Источники: объем капитальных вложений в 1939 г. (р. 359), объем капитальных вложений в 1940 г. [Вознесенский, с. 414], денежные расходы населения (р. 390), военные расходы по бюджету (р. 390). Объем ВВП, доля военных расходов в ВВП, отношение доли военных расходов 1940 г. к 1939 г. – расчет мой.

Другой вопрос состоит во влиянии военных расходов на развитие экономики. В предвоенный период по душевому ВВП СССР отставал намного от Германии и Англии, не говоря уже о США. В 1938 г. душевой ВВП в сравнимых ценах 1990 г. в международных долларах составил в США 6 134, в Великобритании – 5 983, в Германии – 5 126, в СССР – 2 150 [The Economics of World War 2, p. 34]. Высокая доля военных расходов в Германии и Великобритании в этот период означала лишь небольшое сокращение уровня потребления, а в СССР делала нищими значительную часть населения. Низкий уровень капитальных вложений в производственную сферу в этот период сдерживал ее рост.

Массовый террор и его влияние на экономику

Большое внимание авторы уделяют массовым репрессиям 1937–1938 гг. и их влиянию на экономику. Особое внимание они уделили чистке номенклатуры, показав ее огромные масштабы (р. 3–19), глобальность которых зависела от статуса работников. Народные комиссары практически всех хозяйственных наркоматов были смещены и в подавляющем большинстве уничтожены (руководители большинства наркоматов – повторно, и некоторые даже в третий раз, р. 7–8). На втором уровне хозяйственной номенклатуры чистка также была огромной, хотя и меньшей, чем на первом. Было смещено более 40 % руководителей главков, 45,3 % директоров промышленных предприятий (р. 12).

Обсуждая мотивы чистки хозяйственной номенклатуры, авторы напрасно категорически отвергают их связь с экономическими трудностями (р. 2). Между тем, в предыдущем томе подробно анализировался кризис в угольной промышленности СССР в 1936 г. Когда авторы перешли к сравнению показателей дневной добычи угля, они обнаружили, что они в июне 1936 г. оказались почти на 15 % ниже уровня декабря 1935 г. Даже в декабре 1936 г. они были на 5 % ниже декабря 1935 г. Анализируя причины кризиса в угольной промышленности, авторы обнаружили вопиющие ошибки в руководстве отраслью (р. 324–326).

Почему в других отраслях положение должно было быть лучше? Угольная промышленность в то время играла ключевую роль в развитии советской экономики, и от ее уровня развития зависели такие важнейшие отрасли экономики, как электроэнергетика, железнодорожный транспорт, черная и цветная металлургия. Это предопределяло повышенное внимание к угольной промышленности. Не случайно, по сведениям авторов, произошел заметный спад в работе промышленности в четвертом квартале 1936 г., когда массовые репрессии еще не начинались [Ibid., p. 313].

Авторы признают, что «Сталин был, очевидно, убежден, что молодые, более решительные и образованные в советское время руководители смогут придать экономике новый импульс»³ (р. 3). Однако,

³ Здесь и далее перевод мой. – Г. Х.

чтобы убедиться в правильности вывода, требуется выйти за рамки рассмотренного авторами периода.

На примере ряда отраслей промышленности и крупных предприятий авторы отмечают негативное влияние массовых репрессий руководящих кадров и замены их менее опытными и квалифицированными (р. 20–21). В этом утверждении есть определенный просчет. Если сравнить уровень образования прежних наркомов хозяйственных отраслей с уровнем образования новых наркомов разных отраслей промышленности и сельского хозяйства, то можно убедиться в большей специальной подготовке новых кадров. Их предшественники, как правило, вообще не имели специального образования, отличались лишь большими организаторскими способностями и харизматичностью, умением ценить подчиненных профессионалов. Исключением были новые наркомы общезкономического профиля (главы центрального статистического управления (ЦУНХУ) и Госбанка). Уже тогда сложилось мнение, что такими ведомствами может руководить любой образованный человек. Преемники И. А. Краваля во главе ЦУНХУ И. Д. Веременичев и И. В. Саутин не имели экономического образования и ранее не имели отношения к статистической службе (р. 141, 143). Три председателя Госбанка СССР в 1938 г. (С. Л. Кругликов, А. П. Гричманов, Н. А. Булганин) также не имели специального банковского образования и опыта работы в банковской сфере [Кротов, с. 18]. До прихода к руководству Госпланом СССР Н. А. Вознесенский имел небольшой по продолжительности и незначительный по масштабу опыт работы в качестве главы плановой комиссии Ленгорисполкома.

Приобретая за два-три года опыт руководящей деятельности, новые более образованные и в силу молодости энергичные хозяйственные наркомы в первом полугодии 1941 г. обеспечили бурный рост всех отраслей советской экономики⁴.

В качестве мотивов массовых чисток авторы поддерживают мнение об их профилактическом характере на случай войны (р. 13–14). Выявленная структура занятости людей, подвергшихся репрессиям, показывает, что в январе-июне 1938 г. ею была задета более высокая доля служащих (14,1 %) и более низкая доля работников физического труда (12,5 %) (р. 17). При этом абсолютная численность занятых физическим трудом оказалась относительно небольшой – около 90 тыс. Гораздо большей дезорганизации подверглись сферы управления образования и науки.

Составной частью проблемы экономических последствий политических репрессий является хозяйственная деятельность ГУЛАГа.

⁴ По такому точному индикатору экономической активности – грузообороту железнодорожных перевозок – было обеспечено выполнение третьего пятилетнего плана на уровне 90 %, и уровень соответствующего периода 1940 г. был превышен на 10,8 % (вместо ежегодного роста примерно на 5 % в предыдущие три года). Небывальными темпами росло производство ключевых продуктов тяжелой промышленности [Ханин, 2008, с. 42].

Ее характеристика содержится в каждой главе, посвященной отдельному году.

Подробный анализ экономики ГУЛАГа позволил авторам сделать вывод о ее более низкой эффективности в сравнении с гражданской экономикой. В наиболее важной ее сфере – строительстве на один потраченный рубль объем строительства и ввод мощностей составлял лишь четверть от результатов Наркомата строительства СССР (р. 293). Столь же показательны результаты использования оборудования: треть – по строительным машинам, и половина – по грузовым автомобилям в сравнении с Наркоматом строительства СССР (р. 293–294). Авторы объясняют эту огромную разницу низкой квалификацией заключенных и административного персонала, тяжелейшими условиями быта, питания и плохим состоянием здоровья людей.

Приведенные данные о низкой эффективности труда заключенных обоснованно доказывают вывод авторов о том, что «сталинские репрессии преследовали политические цели. Их масштаб ни в каком смысле не был вызван требованиями НКВД о дополнительной рабочей силе» (р. 175). Вполне вероятно, что низкая эффективность принудительного труда наряду с нехваткой мест в тюрьмах и колониях обусловила огромное число смертных приговоров в 1937–1938 гг.

Живая статистика и ее влияние на экономическое развитие

Важное значение при анализе экономического развития СССР в этот период авторы придают проблеме достоверности советской статистики.

Ее рассмотрение они начинают с демографии. Основное внимание уделено анализу результатов переписей населения 1937, 1939 гг. и драматическим событиям, связанным с ними. Наиболее существенным является признание важности проведения обеих переписей: «Это было замечательным достижением» (р. 153). Закономерно, что правдивые результаты привели к ликвидации руководителей первой переписи и к поощрению за вторую (ее организатор В. Старовский был в 1940 г. назначен главой ЦУНХУ и возглавлял статистическую службу СССР до 1960 г.). В 1939 г., в отличие от 1937 г., советскому руководству пришлось примириться с результатами, отражавшими огромные демографические потери периода коллективизации.

Много хуже обстояло дело с другими областями статистики. В отличие от демографической статистики, допущенные ошибки не были исправлены по многим показателям вплоть до конца 1980-х гг. Наиболее известной из этих искажений являлась оценка урожая зерновых. С 1933 г. он измерялся по биологическому, а не по амбарному урожаю, что позволяло демонстрировать мнимые успехи сельского хозяйства. Как справедливо отмечают авторы, «в высокоцентрализованной закрытой политической системе у большинства профессиональных статистиков (как и у других экспертов) отсутствовала

независимость, позволяющая говорить правду» (р. 321). Измерение урожая зерновых на корню было прекращено только в 1953 г. Гораздо более разрушительными были последствия искажения макроэкономических показателей развития всей экономики и отдельных ее отраслей. Авторы анализируют искажения двух показателей: национального дохода и промышленной продукции (включая военную). Они проистекали из того же желания в пропагандистских целях преувеличить достижения СССР в сравнении с капиталистическими странами. Технически это обеспечивалось почти полным игнорированием происходившего в 1930-е гг. роста цен. Для иллюстрации искажений макроэкономической статистики в данный период исследователи сопоставляют данные ЦСУ и расчеты американских советологов по общепринятой в мире методологии измерений. Оказалось, что в неизменных ценах национальный доход СССР в 1940 г. по сравнению с 1937 г. вырос вместо 33 на 18–21 %, промышленное производство – вместо 45 на 19 %, военное производство – вместо 183 на 173–182 % (р. 323). Следовательно, ежегодно темпы роста по национальному доходу преувеличивались на 4–5 процентных пунктов, промышленного производства – на 7–8 процентных пунктов. И только по военной продукции искажений практически не было. Учитывая огромную роль военного производства в промышленной продукции, можно понять масштабы искажений по гражданской промышленной продукции. Недостоверные данные о динамике макроэкономических показателей имели негативные последствия для планирования и функционирования советской экономики.

Уточним это обстоятельство, недостаточно освещенное в работе. Советские плановики в своих макроэкономических расчетах опирались на официальные данные о развитии экономики в прошлом. И если в этих данных преувеличивалось реальное развитие, соответственно преувеличивались и плановые задания. А они, в свою очередь, толкали предприятия на завышение всеми возможными способами объемов и темпов роста, что не встречало противодействия как у главков и наркоматов, так и у статистических органов.

Сильно преувеличенные данные о динамике экономики во второй пятилетке обусловили нереальные задания третьего пятилетнего плана и годовых планов на 1937–1940 гг. по объему продукции. Но искажались не только данные о динамике производства, но и производные показатели, особенно по производительности труда, поскольку данные по численности занятых соответствовали действительности.

Во второй пятилетке производительность труда реально росла довольно быстро в связи с ростом квалификации работников, их опыта работы, фондовооруженностью и улучшением уровня жизни, низким исходным уровнем. В третьей пятилетке эти благоприятные условия отсутствовали. Между тем, в пятилетний план закладывался огромный рост производительности труда: при намечавшемся росте продукции промышленности на 92 % рост производительности

труда планировался на 65 %, или в размере 70 % от общего объема на огромную и небывалую в мировой практике величину в 13 % ежегодно [Директивы КПСС, с. 563, 569]. Этот рост не обеспечивался соответствующим ростом фондовооруженности. В связи с нереальным планом по повышению производительности труда не предусматривались меры по привлечению в необходимом объеме новой рабочей силы в промышленность. Но и намеченные задания не выполнялись. Уже в 1938 г. среднегодовая численность работающих в промышленности выросла округленно лишь на 2 % вместо 5 % по пятилетнему плану [Индустриализация СССР, с. 211].

В 1939 г. положение еще больше ухудшилось: численность рабочих и служащих в промышленности по сравнению с 1937 г. выросла лишь на 211,9 тыс. чел. [Там же, с. 248]. Следовательно, в 1939 г. она осталась практически неизменной. Еще хуже обстояло дело в строительстве, где численность занятых даже сократилось на 149,8 тыс. чел. Снизилась она и на транспорте и в сфере связи. В то же время она выросла в непромышленных отраслях экономики: в торговле – на 322 тыс., в общественном питании – на 166 тыс., в системе просвещения – на 389 тыс., в здравоохранении – на 322 тыс., в государственных, общественных и кредитных учреждениях – на 336 тыс. [Там же]. Парадоксально, но накануне войны хуже всего обеспечивались рабочей силой отрасли, ковавшие оборону страны.

Еще большим пробелом является отсутствие анализа важнейшего фактора экономического развития – основных фондов (*fixed capital*). И здесь мы сталкиваемся с огромным искажением экономической информации. Оно обусловлено прежде всего отсутствием переоценки стоимости основных фондов по восстановительной стоимости. В условиях огромной инфляции 1930-х гг. различия между восстановительной и балансовой стоимостью должны были быть огромными. Но они возникли уже в середине 1920-х гг. в связи с ошибками в проведении переоценки основных фондов в 1925 г. и впоследствии только увеличивались [см. подробнее: Ханин, 1991, с. 92]. В 1938 г. в советской экономической литературе появились публикации экономистов с указанием на отдельных примерах на огромную недооценку основных фондов [Там же, с. 93–94]. Лишь в предыдущем томе авторы информировали о письме сотрудника ЦУНХУ Черкасского на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. Андреева 8 декабря 1938 г. с указанием об огромных ошибках в оценке основных фондов [Davies, Khlevniuk, Wheatcroft, p. 390].

Преуменьшение стоимости основных фондов приводило к сильнейшему преувеличению темпов их роста, так что складывалось ложное впечатление о благополучии в этой области. Истинное положение в сфере воспроизводства основных фондов можно было ориентировочно определить на основании отраслевых данных о выполнении планов по вводу в действие производственных мощностей и об их динамике.

В своих докладах правительству Госплан СССР информировал о крайне неудовлетворительном положении с выполнением третьего

пятилетнего плана по вводу производственных мощностей во всех отраслях промышленности. Приведу данные по ведущим отраслям промышленности, почерпнутые из доклада о выполнении плана капитального строительства от 4 октября 1940 г. Мощность электростанций за первые три года пятилетки выросла на 2,9 млн кВт при плане прироста за всю пятилетку на 9,2 млн кВт [Индустриализация СССР, с. 63]. По угольной промышленности план по закладке новых шахт был выполнен на 36 % [Там же, с. 70]. По вводу в действие мощностей по первичной переработке нефти план был выполнен на 13 %. Из намеченных к вводу в действие 20 доменных печей за два года и восемь месяцев было введено в действие пять. Из 13–15 заводов искусственного каучука строились (только строились) шесть [Там же, с. 71–73]. Аналогичные данные приводились по другим отраслям промышленности.

Пока не будет посчитан реальный рост основных фондов за первые годы третьей пятилетки, можно сделать только качественный вывод, что он был невелик. Следовательно, незначителен был и прирост фондовооруженности работающих и обусловленной ею производительности труда, что вместе с незначительным ростом занятых определило, наряду с другими неблагоприятными факторами, медленный рост выпуска продукции в 1937–1940 гг. Между тем, по официальным данным, наблюдался огромный рост фондовооруженности, что объясняло высокие задания по повышению производительности труда и ее мнимый значительный рост, допускавший медленный рост занятости.

В свою очередь, низкий объем ввода в действие производственных мощностей объяснялся стагнацией занятых в строительстве и производстве строительных материалов. Так, объемы производства пиломатериалов в 1940 г. остались на уровне 1937 г., объемы производства цемента снизились на 1 % [Там же, с. 137, 138]. Дезориентированное ложной макроэкономической информацией советское руководство с огромным опозданием отреагировало стагнацией фонда потребления, удлинением рабочего дня и укреплением дисциплины труда и управления.

Уровень жизни населения

Вопросу об уровне жизни населения уделено в книге небольшое место по сравнению с его значимостью для характеристики состояния экономики, скорее всего, ввиду очевидности ответа на этот вопрос. Каких изменений в этой сфере можно было ожидать при низких темпах экономического роста и милитаризации экономики? Проблема усложнялась тем, что достоверные данные западных экономистов рассчитывались не по годам, а для всего периода 1937–1940 гг. Исследователям удалось убедительно показать общую динамику личного потребления населения в целом и на душу населения. Отмечаются заметный рост личного потребления в 1937 г. и его стагнация в 1938–1939 гг. в связи с милитаризацией экономики и неблагоприятными урожаями 1938–1939 гг.

Особенно показательны расчеты энергетического потребления продовольствия на душу населения, проведенные С. Уиткрофтом и С. Нефедовым по крестьянским хозяйствам и хозяйствам рабочих (р. 295). Они показывают довольно заметный рост потребления по сельским хозяйствам и неизменный уровень по хозяйствам рабочих в сравнении с 1937 г. С учетом безусловного роста потребления продовольствия в 1937 г. эти данные говорят о некотором росте душевого потребления продовольствия за весь период и об изменении соотношения потребления между обеими группами в сравнении со средними за 1925/1926–1926/1927 гг. В первый период душевое энергетическое потребление одного рабочего намного превышало душевое потребление одного сельского жителя. Во втором периоде соотношение поменялось на противоположное, что объясняет отсутствие заметного притока работающих в города из сельской местности в 1937–1939 гг. и меры государства по сдерживанию доходов сельского населения в 1938–1939 гг. Возникает вопрос о соответствии роста потребления этих двух групп населения с общим производством продовольствия. Так, например, в этот период произошел значительный рост производства мяса с 797,3 тыс. т в 1937 г. до 1321,3 тыс. т в 1939 г. [Индустриализация СССР, с. 140]. Такой же вопрос возникает в отношении потребления непродовольственных товаров, которое по ряду позиций заметно выросло в душевом выражении [Там же, с. 139] при стабильности доли непродовольственных товаров в расходах сельского и городского населения. Авторы не дают объяснения этому феномену. Частичное объяснение дает Елена Осокина: в этот период значительно выросла доля вне рыночного потребления продовольственных и непродовольственных товаров [Осокина, с. 184–185].

При рассмотрении уровня жизни населения авторы немалое место отводят товарному дефициту. Это присущее командной экономике явление в указанный период получило особенно большие размеры по сравнению с 1937 г. Авторы объясняют его несбалансированностью товарной и денежной массы и негибкостью системы ценообразования в розничной торговле. Это справедливо, но далеко не полностью объясняет данное явление. Оно наряду с увеличением доли нерыночного потребления потребительских товаров объясняется особенностями распределения рыночных фондов. Из пропагандистских соображений, удобства правящей верхушки страны и в целях контроля за социальной ситуацией в самых крупных городах огромная часть рыночных фондов оставалась в Москве и Ленинграде. Осокина приводит поистине шокирующие данные: «В столице проживало немногим более 2 % населения, но в 1939–1940 гг. она получала около 40 % мяса и яиц, более четверти всех рыночных фондов жиров, сыра, шерстяных тканей, порядка 15 % сахара, рыбы, крупы, макарон, керосина, швейных изделий, шелковых тканей, резиновой обуви, трикотажа... Ленинград жил скромнее Москвы, но тоже занимал

особое место в ряду городов. В 1939–1940 гг. он получал пятую часть рыночных фондов мяса, жиров, яиц... Москва и Ленинград «съедали» более половины рыночного фонда, хотя в них жило лишь несколько процентов населения» [Там же, с. 192]. Если сюда добавить другие привилегированные территории (столицы союзных республик, города Донбасса и Кузбасса), то станет понятно отчаянное положение в снабжении потребительскими товарами остальных городов России и села в период кризисов. Но и в Москве и Ленинграде свирепствовали товарный дефицит и были огромные очереди, так как значительная часть товарных фондов в этих городах оседала у привилегированной части населения (номенклатурных работников, работников торговли и общественного питания).

Характеризуя уровень жизни населения, авторы обошли вниманием обеспеченность населения жильем, как и вопросы жилищного строительства. Это, кстати, касается и предыдущих томов. Нет нужды доказывать, что обеспеченность жильем и качество коммунальных услуг – важнейшие элементы уровня жизни, особенно с учетом миграции населения.

В пятилетних планах задания по жилищно-коммунальному хозяйству содержались, а вот в отчетах об их выполнении о них «забывали» сообщить. Не сообщал о них и Сталин в отчетных докладах съездам партии. Этому могла быть только одна причина – систематическое невыполнение этих планов в пользу возрастания планов по производственному и оборонному строительству. В результате обеспеченность городского населения жильем оставалась на крайне низком уровне: 7 м² общей жилой площади на душу городского населения (как в 1913 г.). С учетом огромной разницы в обеспеченности жильем номенклатуры и остального населения жилищная теснота основной части населения была чудовищной. Столь же крайне низкой оказалась обеспеченность городского населения коммунальными услугами. На 923 города в 1939 г. намечалось по плану второй пятилетки обеспечить водопроводом 440 (вместо 366 в 1932 г.), канализацией – 125 вместо 55 в 1932 г. [Директивы КПСС, с. 405]. Таким образом, даже по плану большинство городов оставались без водопровода и канализации. Еще более скромные задания по приросту намечались по плану третьей пятилетки: водопровод – в 50 городах, канализация в – 45 городах [Там же, с. 580].

Единственной сферой благосостояния населения, в которой до войны отмечалось улучшение, авторы считают здравоохранение. Благодаря широкому развитию этой сферы до войны удалось значительно снизить смертность населения (кроме голода в 1933 г. и репрессий 1937–1938 гг.) и увеличить ожидаемую продолжительность жизни. Смертность детей в возрасте до одного года сократилась на 1 тыс. родившихся с 208 в 1934 г. до 184 в 1937 г. и 168 в 1939 г., а ожидаемая продолжительность жизни – с 38,2 года в 1934 г. до 39,9 в 1937 г. и 43,6 года в 1939 г. (р. 400).

Реформирование советской экономики

Авторы справедливо отмечают выявившиеся уже в 1930-е гг. серьезные дефекты командной экономики: это оторванность покупателей от производителей, приводящая к пренебрежению нуждами потребителей, незаинтересованность в эффективном использовании производственного потенциала, слабая восприимчивость к инновациям (р. 357). Вследствие этих дефектов напрашивалось решение реформировать ее в направлении децентрализации и восприятия элементов рыночной экономики. Такая попытка в отношении снабжения оборудованием строек тяжелой промышленности в конце 1932 г. привела к полной дезорганизации обеспечения этими видами оборудования и их производства (р. 338). Эти и другие аналогичные попытки были отвергнуты, и авторы справедливо считают, что, исходя «из их целей, Сталин и Молотов сделали правильный выбор» (Ibid.). Далее они уточняют, о каких целях идет речь: «Когда вождям предлагался шанс сделки между уменьшением власти ради большей производительности или большей эффективности экономики, они выбирали власть» (р. 339). Здесь уместно добавить, что речь идет не только о личной власти, но и о руководстве партии и сохранении советской власти. Обращаю внимание, что это решение диктовалось не только политическими соображениями. Попытки децентрализации в сфере промышленности имели катастрофические экономические последствия.

Положительное влияние имели разукрупнение промышленных наркоматов и образование Наркомата строительства СССР, что позволило более квалифицированно руководить промышленностью и строительством. Важное значение для определения реальной себестоимости продукции в промышленности и повышения качества ремонта имело повышение в январе 1938 г. норм амортизационных отчислений [Директивы КПСС, с. 530–531]. Хотя официальной целью постановления объявлялось повышение качества ремонта, фактически оно частично учитывало разницу между восстановительной и балансовой стоимостью основных фондов. Положительное влияние на укрепление трудовой дисциплины имело введение в декабре 1938 г. трудовых книжек и проведение ряда других мероприятий по упорядочению трудовой дисциплины [Там же, с. 544–553]. Распространению передового опыта ведения сельского хозяйства способствовало решение об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки [Там же, с. 554–557] и ее открытие в сентябре 1939 г. Первое мероприятие было жестким, но необходимым, второе важно было для передачи передового опыта. Хотя в нем был немалый элемент пропаганды.

* * *

Седьмой том исследования Р. Дэвиса и его коллег существенно обогащает знания исследователей и понимание ими важного периода предвоенной советской экономической истории, который, в отличие от периода первой и второй пятилеток, недостаточно анализировался

советскими и зарубежными экономистами. И хотя авторы приложили много усилий, чтобы этот анализ оказался убедительным, по сравнению с предыдущими шестью томами седьмой выглядит не столь фундированным. В нем не нашли отражения многие важные аспекты экономического развития. Помимо упомянутых выше, отмечу еще финансы, которые в предыдущих томах анализировались качественно. Отсутствует анализ процесса внедрения новой техники в гражданских отраслях экономики и качества продукции. Зарубежным, и особенно российским ученым предстоит продолжить и углубить этот анализ. В связи с неудачами постсоветского экономического развития растет внимание к советскому периоду, больше всего как раз к 1930-м гг., когда был совершен экономический рывок и ценой огромных экономических и человеческих жертв СССР из аграрной и слабой в военном отношении страны превратился в мощную промышленную и военную державу. Есть соблазн повторить этот опыт, и очень важно знать, какие проблемы встанут на этом пути.

Том завершается пронзительным по эмоциональности и искренности послесловием, подводящим итог 60-летней научной работы: «Советская экономика, которая возникла к 1940 г., фундаментально отличалась от новой цивилизации, которую я начал исследовать. Я продолжал придерживаться первоначальной позиции, когда писал о начале 1930-х гг. Но по мере того, как моя работа продвигалась и мои знания о конце 1930-х гг. становились более подробными и достоверными, стало ясно, что советская система, несмотря на то, что она сыграла большую роль в разгроме фашизма, ни в коем случае не является новой цивилизацией или социалистическим обществом, это репрессивный режим, в котором насилие и тирания играли основную роль. Моя ранняя концепция всего хода советской истории оказалась фундаментально ошибочной» (р. 346). Это могли бы сказать и многие другие западные гуманитарии, не замечавшие в 1930-е гг. в условиях глубокого экономического кризиса и роста опасности фашизма пороков советской модели.

Список литературы

- Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. М. : Политиздат, 1979. 606 с.
- Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : в 4 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 2. 888 с.
- Индустриализация СССР. 1938–1941 : Документы и материалы. М. : Наука, 1973. 423 с.
- Кротов Н.* Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко, рассказанные им самим. М. : АНО «Экон. летопись», 2010. 583 с.
- Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия». М. : РОССПЭН, 1999. 268 с.
- Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР. Новосибирск : Наука, 1991. 269 с.
- Ханин Г. И.* Экономическая история СССР в новейшее время : в 2 т. Новосибирск : Новосиб. технич. ун-т, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 1930-х годов – 1987 год. 516 с.
- Ханин Г. И.* Произведения Р. Дэвиса по истории советской экономики и общества // Клио. 2015. № 8 (104). С. 41–48.

Davies R. W. *The Industrialization of Soviet Russia* : [7 vols]. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. L. : Macmillan Press, 1996. 612 p.

Davies R. W., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. *The Industrialization of Soviet Russia* : [7 vols]. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936. L. : Macmillan Press, 2014. 496 p.

Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. *The Industrialization of Soviet Russia* : [7 vols]. Vol. 7. The Soviet Economy and the approach of War, 1937–1939. L. : Macmillan Press, 2018. 439 p.

The Economics of World War 2. Six Great Powers in International Comparison / ed. by M. Harrison. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. 307 p.

References

Davies, R. W. (1996). *The Industrialization of Soviet Russia. [7 vols]. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933*. L., Macmillan Press. 612 p.

Davies, R. W., Harrison, M., Khlevniuk, O., Wheatcroft, S. G. (2018). *The Industrialization of Soviet Russia. [7 vols]. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*. L., Macmillan Press. 439 p.

Davies, R. W., Khlevniuk, O., Wheatcroft, S. G. (2014). *The Industrialization of Soviet Russia. [7 vols]. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936*. L., Macmillan Press. 496 p.

Direktivy KPSS i sovetskogo pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam v 4 t. [Directives of the CPSU and the Soviet Government on Economic Issues. 4 Vols.]. (1957). Moscow, Gospolitizdat. Vol. 2. 888 p.

Harrison, M. (Ed.). (1999). *The Economics of World War 2. Six Great Powers in International Comparison*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 307 p.

Industrializatsiya SSSR. 1938–1941. Dokumenty i materialy [Industrialization of the USSR. 1938–1941. Documents and Materials]. (1973). Moscow, Nauka. 423 p.

Khanin, G. I. (1991). *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [Dynamics of the Economic Development of the USSR]. Novosibirsk, Nauka. 269 p.

Khanin, G. I. (2008). *Ekonomicheskaya istoriya SSSR v noveishee vremya v 2 t.* [Economic History of the USSR in Recent Times. 2 Vols.]. Novosibirsk, Novosibirskii tekhnicheskii universitet. Vol. 1. *Ekonomika SSSR v kontse 1930-kh godov – 1987 god*. 516 p.

Khanin, G. I. (2015). *Proizvedeniya R. Davisa po istorii sovetskoi ekonomiki i obshchestva* [R. Davies' Works on the History of the Soviet Economy and Society]. In *Klio*. No. 8 (104), pp. 41–48.

Krotov, N. (2010). *Zhizn' i udivitel'nye priklyucheniya bankira Viktora Gerashchenko, rasskazannye im samim* [The Life and Extraordinary Adventures of the Banker Victor Gerashchenko, Told by Himself]. Moscow, ANO “Ekonomicheskaya letopis”. 583 p.

Osokina, E. (1999). *Za fasadom “stalinskogo izobilija”* [Behind the Façade of “Stalin's Abundance”]. Moscow, ROSSPEN. 268 p.

Voznesenskii, N. A. (1979). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Politizdat. 606 p.

The article was submitted on 11.11.2020